

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

СТИХИ О РЕВОЛЮЦИИ

Тебе обывательское: «О, будь ты проклята трижды»,
И мое, поэтовое: «О, четырежды славься, благословенная!»
Владимир Маяковский. Ода революции

От песков каракумских до речки арктической Колы,
От кубанских степей до норильских холодных широт,
Мы любовь к революции в сердце впитали со школы,
За нее принимая Октябрьский переворот.
Вспоминая теперь те наивные юные годы,
Я нисколько за них не испытываю стыда,
Привязав к революции сладкое слово «Свобода»,
О которой понятия мы не имели тогда.
Нас морили в ГУЛАГе и ставили нас на колени,
Всюду ложь и стукачество, что наугад ни затронь,
И любовь к революции тлела в моем поколенье,
Как в торфяниках тлеет невидимый сверху огонь.
Нас учила терпенью недобрая наша природа.
Далеко не ушли мы от «Повести лет временных».
Наше главное качество — долготерпенье народа,
Так как русский народ терпеливее многих иных.
Пребываю, как все, в постоянной на власти обиде,
На счастливый сценарий причины рассчитывать нет,
Но не дай мне, Господь, этот бунт беспощадный увидеть,
О котором писал в девятнадцатом веке поэт.
Я надеждой живу, что назавтра беда не случится,
Потому что я понял, как истина ни тяжела:
Революция — это убийства, разбой, и бесчинства,
И возврат тирании, что хуже, чем прежде, была.

САВВА МОРОЗОВ

Этой повести грустны главы,
Отдохнуть от них хотя день бы.
Ах, Морозов дорогой, Савва,
Не давай большевикам деньги.

Александр Моисеевич Городницкий родился в 1933 году в Ленинграде. Советский и российский ученый-геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член Российской академии естественных наук. Широко известен как поэт, бард, считается одним из основоположников авторской песни. Лауреат Государственной литературной премии имени Булата Окуджавы. Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН.

Постарайся рассуждать здраво,
 Неудачливой любви пленник,
 Оглядись по сторонам, Савва,
 Не давай большевикам денег.
 Над Россией рассвет мрачен,
 И тревожно голосит кочет.
 Кто убийствами свой путь начал,
 Тот убийствами его кончит.
 Могут пламенные их идеи
 Только племя умножать вдовье.
 Не давай большевикам денег,
 Всю страну они зальют кровью.
 Ураганы породит ветер,
 Что на денежки твои послан,
 Будут именем убийц этих
 Ледоколы называть после.
 На себя не примеряй саван,
 Дай измученным покой нервам.
 Берегись большевиков, Савва,
 Ведь тебя они убьют первым.
 Бог расплатится потом, зоркий,
 С тем, кто более тебя прожил.
 Был соперник у тебя Горький,
 И его они убьют тоже.
 Будет горькою твоя слава,
 Да куда ее теперь денешь?
 Берегись большевиков, Савва,
 Не давай большевикам денег.

ЛЮБИМЫЕ ПОЭТЫ

В покаянии позднем для нас оправдания нету.
 Мы шагали в строю и кричали злодеям «Ура!»
 Виноваты Багрицкий, Светлов и другие поэты,
 Что воспели убийство как высшую степень добра.
 Виноват Маяковский, что пел революции оды
 (И себя самого расстрелял он за это потом).
 Я и сам их любил в те далекие школьные годы,
 У безумной истории на повороте крутом.
 И хоть сами они никого не убили ни разу,
 Вспоминая о них, потому ощущаю я грусть,
 Что расстрельные после подписывали приказы
 Те, кто в детстве стихи их заучивали наизусть.
 Не забыть и до смерти поэзии этой уроки.
 Расходились круги по поверхности темных зыбей,
 И наивных мальчишек учили звенящие строки:
 «Если надо, солги», и еще: «Если надо, убей».

И опять вспоминаю я строки проклятые эти,
И с собою самим продолжаю немой разговор.
Тот, кто звал убивать, перед Богом в таком же ответе,
Как и тот конвоир, что уже передернул затвор.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

(песня)

Когда вдруг замолкает актер и поэт,
Ни защиты ему, ни спасения нет
От посмертных наветов и басен.
Исполинских внезапно лишившийся сил,
Государству он сразу становится мил,
Потому что уже не опасен.
И артистов эстрадных несметная рать,
Безуспешно пытаюсь ему подражать,
Представители нынешней школы,
Все к нему приплетают поповую нить,
Будто можно и вправду другим заменить
Этот хриплый и яростный голос.

На губах у поэта застыла печать,
И опять телевиденье или печать,
Журналистов отважная рота,
Все его приукрасить пытаются зря,
Будто можно и впрямь превратить бунтаря
В верноподданного патриота.
Он по-прежнему «против» всегда, а не «за»,
Немигающим взглядом он людям в глаза
С фотоснимков взирает сурово.
Он любому начальству сегодня не в масть,
Он бандитам мешает и грабить, и красть,
И пора запрещать его снова.

ГODOВЩИНА НАЧАЛА БЛОКАДЫ

Годовщину начала блокады
Отмечаю осенней порой.
Отблеск зарева под облаками
И сирены пугающий вой.
Там на улице запахи гари,
И блестит позолотой листва,
И деревья на нашем бульваре
Не спилили еще на дрова.

Там прожекторов синие сети
И на подступах ближних бои.
Там пока еще живы соседи,
И родители живы мои.
Пахнет кровью, огнем и железом,
Горьких сводок скупая строка,
Но пока еще хлеб не урезан,
И воды еще вдоволь пока.
И прогноз предстоящих событий
Не дано нам узнать наперед,
Где нельзя из парадного выйти,
Где на улицах трупы и лед.
Где навязчивый стук метронома
Подтверждает твое бытие,
И сгорит в феврале вместе с домом
Довоенное детство мое.
И шепчу я, те годы итожа,
Над бетоном кладбищенских плит:
«Не пошли нам, всевидящий Боже,
То, что выдержать нам предстоит».

ПОНЯТИЕ «РОДИНА»

Понятие «Родина» стало с годами сложнее.
Возможно, поэтому вижу все чаще во сне я
Исакия купол, светившийся в нашем окне,
Костры экспедиций, которыми память богата,
И улицы Питера, и переулки Арбата,
Где жил я когда-то в распавшейся после стране.

Понятие «Родина» стало со временем проще:
Листва под ногами в осенней березовой роще,
Те песни, что пели в студенческие времена.
И снежной зимою, и осенью, теплой и влажной,
С чего начинается Родина, так ли уж важно?
Гораздо важнее, где кончиться может она.

Понятие «Родина» может меняться с годами.
Картинкою стать, над кроватью висящею в раме,
В заморской стране, из которой нет хода назад.
Забывтой строкою, которую в памяти ищем,
И в Царском Селе малолюдным Казанским кладбищем,
Где в тесной могиле родители вместе лежат.

Понятие «Родина», что это все-таки значит?
Васильевский остров, где путь, что кончается, начат?
В весенних каналах плывущий от Ладоги лед?
А может быть чувство, что невыносимую болью
Грызет твою душу на раны насыпанной солью,
И ноет под сердцем, и ночью уснуть не дает?